

РАССКАЗЫ

ВЫПУСК 9

АРОМАТ ПТОМАИНОВ

Крафтовый литературный журнал «Рассказы»

Игорь Кременцов

Рассказы 9. Аромат птомаинов

«Крафтовая литература»

2020

Кременцов И.

Рассказы 9. Аромат птомаинов / И. Кременцов — «Крафтовая литература», 2020 — (Крафтовый литературный журнал «Рассказы»)

В девятом выпуске «Рассказов» собраны мрачные истории, от которых исходит обманчивое тепло, словно притягательный свет электрической мухобойки. Это истории о странных и жутких существах, которые не могут пробиться к нам и потому манят следовать за ними, о людях и немислимых ситуациях, в которые те попадают на потеху демонам. Выпуск в жанре хоррор и саспенс, приоткрывающий дверь в загробный мир. Прочувствуйте это. Аромат птомаинов. Уютный флер смерти. Темный момент осознания, что все – конец.

© Кременцов И., 2020

© Крафтовая литература, 2020

Содержание

Игорь Кременцов Дерево	6
Андрей Федоров, Владимир Новиков Вши	17
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Рассказы 9. Аромат птомаинов

Авторы: Игорь Кременцов, Андрей Федоров, Владимир Новиков, Дмитрий Николов, Яков Пешин, Александр Дедов

Иллюстрации и обложка: нет глаз – нет слез

Составитель: Максим Суворов

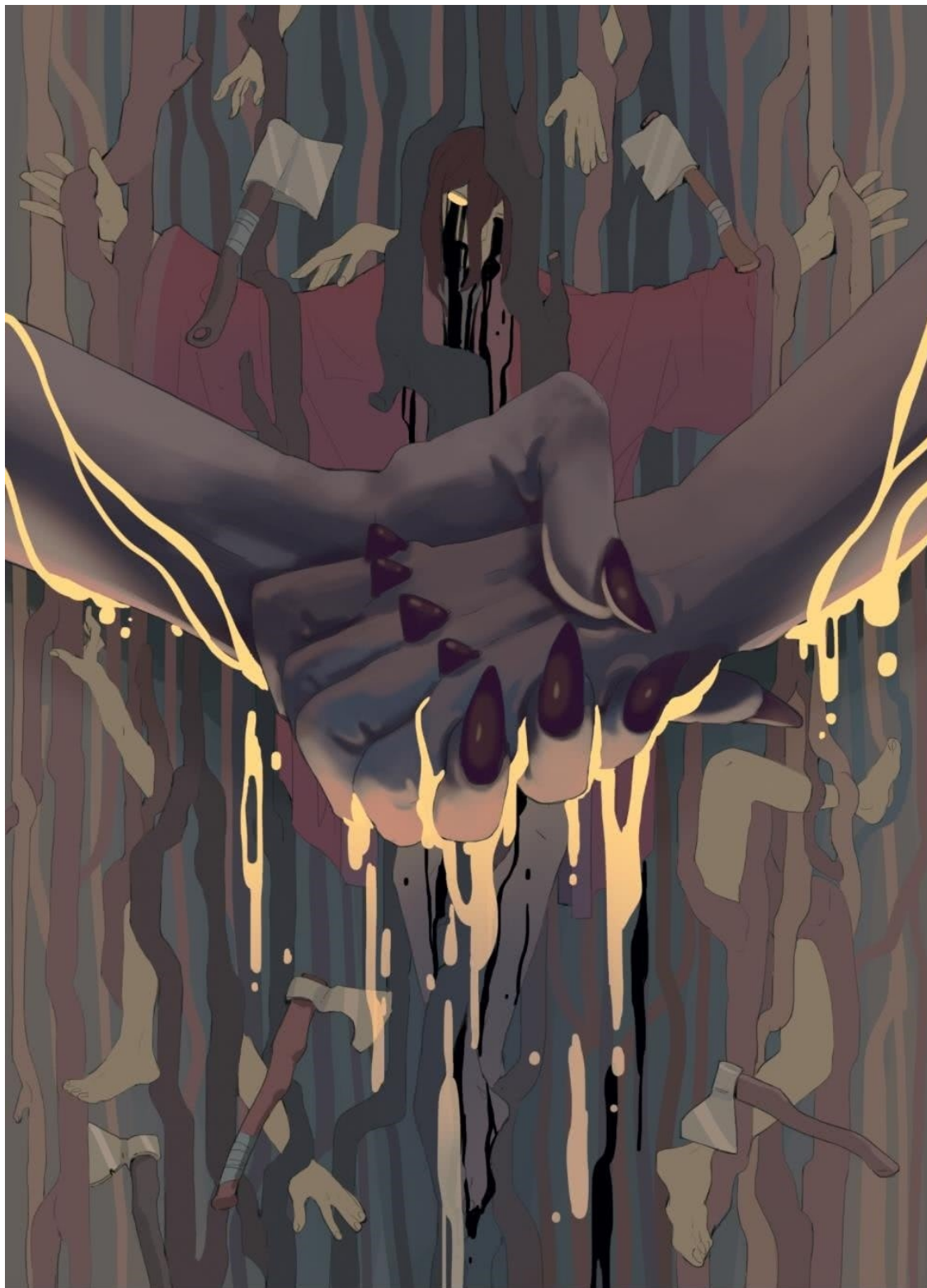
Корректор: Дина Рубанёнок

Крафтовый литературный журнал «Рассказы» – это уникальный проект, в котором истории русскоязычных авторов обрамлены рисунками современных диджитал художников. Сами рассказы отбираются редакторским коллективом наравне с таргет-группой, состоящей из читателей журнала. Таким образом достигается максимальное качество и уровень работ.

Крафтовая литература, 2020

Игорь Кременцов Дерево

– Я звонил вам в полдень. – Джорджи протянул старику руку. – Моя малышка-бензопила в грузовичке. Как видите, я у вас на пороге. Готовьте тысячу долларов, сэр. Скоро ваше дерево будет срублено. Вжик-вжик, под корень! Старина Джорджи свое дело знает. Я, черт возьми,

пятнадцать лет вкалывал на лесозаготовках. У вас случайно нет хорошенькой внучки, способной оценить мою мускулатуру?

– Нет. – Старик в рубашке с колораткой покачал головой и ответил на рукопожатие. Ладонка у него была тонкая и влажная, как осклизлая куриная лапка. Джорджи, казалось, этого не заметил.

– Где ваше дерево, сэр?

– На заднем дворе. Минуете дом, пройдете мимо виноградной беседки, а уж за ней, в поле оно и стоит. Вы не ошибетесь. Только прошу, будьте осторожнее. Я лет тридцать с ним борюсь, но ни черта не выходит. Вы не первый, кто приходит ко мне с бензопилой.

– Сэр, вы написали в объявлении, что даете тысячу долларов за сваленное дерево. Только что мы обменялись рукопожатиями как настоящие джентльмены. Эти два события – самый крепкий залог, что дерево уже к вечеру будет распилено на поленья.

– Если захотите пива и омлета с ветчиной, только свистните. – Старик вынул откуда-то сигарету без фильтра, чиркнул фосфорной спичкой о стенку и, подкуриив, продолжил: – Один Господь знает, сколько времени оно там стоит. Если вдруг взглянете и осознаете, что эта работка не по вам, я пойму. А на пиво и омлет рассчитывайте без сомнений.

– Хорошо, сэр! – Джорджи кивнул и отправился осматривать предстоящую работу. Старик захлопнул дверь, скрывшись за ней вместе со своей сигаретой и куриными ручонками.

Джорджи вдруг ощутил что-то вроде тревоги.словно матушка, пусть земля будет пухом ее костям, вдруг шепнула с того света: «Бросил бы ты это дело, малыш. Тысяча долларов того не стоит».

Хей-хо, мы пьем и пьем всю ночь.

Хей-хо, к утру свежи как огурцы.

Хей-хо, трактирищик, где твои жена и дочь?

Хей-хо, мы парни-удальцы!

Мурлыча под нос скабрзную лесорубскую песенку, Джорджи миновал дом и очутился на заднем дворе. Поначалу он ничего не увидел. Справа место для барбекю с мангалом из красного кирпича и кованого железа. Слева некая штукавина для отдыха – что-то среднее между парковой скамейкой и пляжным шезлонгом. Сразу за двором, если обогнуть деревянную беседку, простиралось поле, густо поросшее сорной травой. Дом старика стоял на окраине, так что, скорее всего, поле простиралось до самых хвойных лесов, начинавшихся милях в пяти от города.

Куда ни глянь – пусто. Было лишь дерево, огромное, напоминающее кривую черную башню, словно заросшую сухим буреломом пополам со свежими, налитыми соком листовыми ветками. Оно росло в паре шагов от одного из самых глубоких оврагов, когда-либо виденных Джорджи.

Гигантскую, поросшую бурьяном прореху на лице Земли при желании можно было бы назвать ущельем. Глубиной овраг оказался футов восемьдесят, а склоны у него были те самые, что не оставляют шанса беднякам, случайно сорвавшимся с края.

Что касается дерева, то это была не секвойя, не пихта, не дуб и даже не клен, черт побери... Это было нечто огромное, кряжистое, черное, мерно шуршащее и потрескивающее в полной, безветренной тишине над пропастью.

В нескольких футах от дерева торчал покосившийся колышек с выцветшей от времени и непогоды табличкой. Она была настолько старой, что даже при большом желании прочесть на ней что-либо стоило немалых усилий.

Джорджи даже не взглянул на нее. Все его внимание было поглощено деревом.

За свою жизнь Джорджи повидал немало зеленых гигантов. Больше половины из них пустил в расход, но подобное дерево он видел впервые.

– *Хей-хо, мы пьем и пьем всю ночь.*
Хей-хо, к утру свежи как огурцы...

Сентябрьское небо заволкло тучами, так что никакого зноя не было и в помине, тем не менее над исполинской, размером с небольшой дом кроной висело дрожащее марево. С верхушки сорвалась черная ломаная тень и шумно хлопая крыльями унеслась прочь. То была ворона, и Джорджи мог поклясться, что на мгновение увидел, будто у птицы вместо темной перистой головы – белый, высушенный ветрами и временем, остроклювый череп.

«Я лет тридцать с ним борюсь, но ни черта не выходит».

В мыслях Джорджи промелькнул стариковский голос, и почему-то эта фраза вдруг обрела совершенно иной смысл.

Джорджи развернулся и быстро зашагал обратно, минуя стариковское крыльцо. Он еще не осознал толком, но в его намерениях было сесть в грузовик и ехать с этого поля как можно дальше.

В окне шевельнулось жалюзи.

«Он смотрит за мной, – догадался Джорджи. – Старикашка смотрит за мной и курит свою сигарету. А возможно, в кармане он сжимает десять сотенных бумажек и жалеет, что предложил так дорого».

Тысяча долларов. Целое, черт побери, состояние!

Джорджи, не оборачиваясь на движение в окне, бодро прошагал к грузовичку и извлек из багажника свою малышку. Ей перевалило за десяток лет, но бензопила была как новенькая. Смазанная, блестящая. В некоторых местах, где покрытие бензобака облупилось, Джорджи собственноручно нанес краску цветом точь-в-точь как заводская. Сегодня утром он поменял на пиле цепь.

Джорджи был лесорубом от кончиков волос до краешков ногтей.

На мгновение у него появилась мысль: почему тут нет очереди из желающих свалить дерево?

Тут же он сам себе ответил: потому что ты умница, парень! Это объявление было единственным, и ты догадался сорвать его, чтобы никто больше не составил тебе конкуренцию.

Хей-хо...

Джорджи вернулся, о чем впоследствии сильно пожалел.

– Выпилю кусок с бока, направленного в эту чертову яму. Пожалуй, я хватил лишку, когда сказал старикану, что к вечеру дерево будет распилено на поленья. Может быть, когда-то кто-нибудь и пустит эту громадину на дрова, но не я. Нет, сэр! Я просто спилю дерево так, чтобы оно рухнуло аккуратно в овраг, и все. Давайте мне ваши милые тысячу баксов – дядюшка Джорджи будет кутить целый месяц!

У Джорджи была привычка разговаривать с самим собой. Как-никак, а он был одинок. Вполне неплохая привычка. У многих одиноких людей бывает чего похуже.

Джорджи отметил мелом границы распила и дернул за шнур. Малышка, обычно заводившаяся с первого рывка, сейчас устало буркнула и затихла. В воздухе повис противный душок выхлопа.

– Ну и?.. – Джорджи забыл, что хотел сказать, потому что в дереве кое-что резко изменилось.

Во-первых, с обеих сторон ствола, будто две толстые корявые лапы, выросли новые ветки. Собственно, ветками это тоже нельзя было назвать. Скорее, небольшие деревца, как ложноножки, в мгновение ока выпрыгнувшие из родительского тела.

Во-вторых, Джорджи был не один. Напротив него, обмахиваясь облезлым хвостом, совсем по-человечьи стояла огромная, размером с дворнягу, белка. Это был самец, так как снизу у него болтались крупные, совсем не белочки причиндалы. Но оторопь вызывали не они, а вторая голова, частично росшая из плеча, а частично из головы номер один.

Белка издала писк, более напоминающий скрип заржавелых дверных петель, и махом вскочила на одну из новеньких веток. Вторая голова у нее была раздутой, будто внутри зверька в какой-то момент ожил и стал расти сиамский близнец-гидроцефал. Близнец, судя по затуманенным красным зрачкам, был совершенно слеп, и о том, что он жив, свидетельствовал лишь непрерывно подергивающийся черный нос.

Прыгучий монстр замер на ветке, уставившись на человека, а Джорджи оторопело уставился на то, что было вырезано в древесной тверди.

«Шлюха Норма Вуд сосет у всего Боулдера».

Джорджи выронил бензопилу и протер глаза. Надпись никуда не исчезла. Судя по глубине, она была вырезана давно. Очень давно. Возможно, лет двадцать назад. Примерно тогда, когда маленький Джорджи Вуд вместе с матерью и тремя чемоданами пожитков покинули Боулдер на пятичасовом утреннем автобусе.

Тот, кто вырезал это, не отошел далеко от истины. Норма была той еще распутницей, но Джорджи не винил ее. Она напоминала Джуди Гарленд, а с такой внешностью трудно было обходиться без постоянного мужчины. К тому же ее связи ничуть не отражались на материнской любви и заботе, в которых малыш Джорджи купался сутками напролет.

Надпись была старой, как и огромная ветка, в один миг выросшая из ствола. Белка издевательски запищала и, задрав лапу, совсем по-собачьи помочилась на имя матери Джорджи. Не прекращая своего грязного дельца, двухголовый мутант прыгнул над головой человека и прицепился к ветке повыше.

Джорджи ощутил на шее гадкие теплые капли.

Вторая надпись, тщательно и глубоко вырезанная в коре, гласила: «В 12 лет Джорджи Вуд сам себе отсасывал на чердаке и повредил шею!».

Джорджи густо покраснел и почти ощутил забытую резкую боль в позвоночнике. Самец белки издевательски запищал, и писк этот чертовски напоминал смех. Затем двухголовая белка странно выгнулась, будто пытаясь цапнуть себя за причиндалы. Получилось или нет, Джорджи не видел.

Его глаза затмила ярость.

– Старик! Все вырезал этот старый ублюдок! – Джорджи рванул шнур бензопилы. Малышка завелась, порядочно взрыхлив землю и засыпав глаза хозяина грязью.

Белка заверещала и скрылась в кроне. Джорджи, твердо решивший дать старику пинка после того, как заберет законные денежки, поднял бензопилу на уровень глаз. Первым, что он отпил в дереве, были ветки с издевательскими надписями.

– Старый пердун! – Джорджи зло шипел, не слыша себя за ревом малышки. Уже спустя несколько минут ветки валялись у самых корней – так скоро, что голодный работяга не успел бы съесть и половины своего обеда.

Джорджи распилил их на куски и с ненавистью спихнул в овраг. Внизу что-то пошевелилось, но Джорджи не обратил внимания.

Он даже забыл о белке, которая вскоре вернулась, таща в зубах дохлого птенца. Обхватив мертвую птичью голову, словно орех, мутант смачно вгрызся в череп. Джорджи услышал слабый хруст.

Новая надпись, возникшая уже непосредственно на стволе, гласила: «Когда Джорджи Вуду было семь, он сел на котенка и не вставал, пока тот не издох. Джорджи было весело».

Джорджи не мог уверенно сказать, правда это или нет. Из того возраста он отлично помнил только как разбивал колени, бегая по асфальту перед домом. Он отдышался и кинул увесистой щепкой в двухголового короля белок-мутантов. Тот зло заверещал и вместе с птенцом вновь скрылся меж веток.

Малышка взревела, в воздух взвилось облачко бензиновой гари, и Джорджи приступил к стволу. Цепь легко прогрызала древесную твердь, брызгал сок. Где-то вверху верещала белка. Вскоре Джорджи выпилил увесистый кусок, напоминающий кривой ломоть диковинного пирога для каких-нибудь дуболомов.

От пинка ногой кусок выпал, обнажив древесную плоть. Малышка аккуратно разделила то, что было внутри ствола, на две части. Джорджи охнул. Из спила, нарушая стройную упорядоченность годовых колец, пялился человеческий скелет. Если уж быть точнее, то верхняя его половина. Нижняя все еще была надежно впаяна в ствол.

Цепь малышки ловко срезала треть головы, оставив ноздреватый серый осколок в выпиленном ломте. На внутренней стороне черепной коробки еще можно было разглядеть остатки мозга, превратившиеся в подобие подмокшей плесени.

Судя по всему, мертвец внутри дерева сжимал топор, проступавший внутри ствола, словно барельеф из стены. Пила не достала до него каких-то полдюйма.

«Я лет тридцать с ним борюсь, но ни черта не выходит. Вы не первый, кто приходит ко мне с бензопилой».

Что там говорил старикашка? Он не первый? Все верно: старый козел, вырезающий в коре гадкие факты из жизни Джорджи, не соврал. Как минимум второй. Но разве такое может быть?

Джорджи внезапно ощутил страх, понимая, что должен был испугаться не сейчас, а еще тогда, когда подошел к проклятому, не пойми какого рода, дереву. И, пожалуй, он должен был прийти в ужас, увидев уродливую белку, скачущую по стремительно выросшим веткам.

Должен был...

Гребаное дерево. Это все оно...

– Тридцать лет... Не выходит... – Джорджи вдруг понял, почему старый козел платил тысячу долларов тому, кто возьмется свалить дерево. Оно было не таким как другие деревья. Это было плохое. Очень-очень плохое.

Внутренний голос, бывший голосом покойной Нормы Вуд, строго прошелестел: «Возможно, малыш, ты мог бы прочесть это на той табличке. Но ты даже не попытался. Что я тебе всегда говорила? Мальчики, которые не любят читать, буду гореть в аду...»

Джорджи замотал головой, отгоняя назойливую материнскую укоризну. Двухголовая белка сбежала вниз по стволу и, усевшись на землю, стала внимательно следить за человеком.

– Пошла отсюда! – Джорджи пнул ворох мусора, но тварь совершенно не отреагировала на атаку шрапнели из кусочков грязи, камешков и древесной коры.

– К черту. Я сваливаю. – Джорджи подхватил малышку и, стараясь не встречаться глазами с белкой или скелетом, направился к дому.

Что-то произошло. Поначалу Джорджи ничего не понял. Все случилось так же быстро, как опускается веко, когда человек моргает, или даже быстрее – например, как вырастает одна из новых веток на проклятом дереве.

Дома не было. Не было заросшей тропинки, ведущей на заднюю часть стариковского двора. Чуть поодаль не стояли соседские дома, из окон которых уже должен был литься свет, так как наступила быстрая осенняя темнота. Ничего такого. Был один лишь овраг, на дне которого что-то продолжало шевелиться.

Джорджи повернулся, не понимая, как умудрился уйти в совершенно другую сторону, но в то же время, обогнув ствол, все так же остаться на краю гигантской, поросшей бурьяном ямы.

Где-то позади раздался писклявый двойной хохот. Джорджи похолодел. Он сделал еще пару попыток уйти, но так или иначе оказывался в пространственной петле у дерева.

– Эй... Что за шутки? – Джорджи вдруг понял, что обращается именно к белке, которая тем временем пробовала языком содержимое черепной коробки скелета.

– Эй, что за шутки? – раздутая голова белки толком даже не открыла пасть, но оттуда донесся отчетливый издевательский голосок.

Джорджи заорал, что было сил припустив с места, и ему казалось, будто еще немного, и он таки сможет обогнуть корявый подпиленный ствол со скелетом внутри.

Дыхание переломилось, как от удара в солнечное сплетение, и Джорджи стал задыхаться. Темнота становилась гуще. Белка что-то болтала, а ноги Джорджи стали отказывать.

«Я в мире мертвых. Это «тот свет», и я, наверное, умер. Или нахожусь в пограничном состоянии, и это место меня не отпускает...»

Мысли пугающим вихрем, роем пчел бились в голове. Джорджи подскочил к оврагу и замер.

Идея пройти низом еще толком не созрела, но Джорджи убил ее, едва бросив взгляд на дно. Гигантская яма оказалась густо покрыта чем-то слабо различимым во мраке. Оно было темным и извивающимся, и тем не менее в этом «чем-то» отлично угадывались похожие на змей древесные корни.

«Я не первый... Один в дереве, а остальные – там, внизу, насаженные ребрами и глазницами на вот это...»

Джорджи поднял взгляд на потемневшие небеса и заплакал. Они оказались совершенно черными. Ни единой звездочки, хотя туч не было и в помине.

Над деревом и оврагом, над тьмой, клубящейся с противоположного края, висели три алые луны. Четвертая медленно выплывала, напоминая светящееся стекло карманного фонаря. Несмотря на то, что луны были нестерпимо яркими, они почти ничего не освещали. Пространство вокруг Джорджи поглощало свет.

– Господи... Господи... – Джорджи упал на колени. Горло распирает горячий соленый комок из плача и подобравшейся паники.

«Господи... Господи...» – передразнил мутант.

Джорджи выставил перед собой заглохшую бензопилу, но самец белки совершенно не обращал на это внимание. Он просто стоял и пялился, странно цокая языком. Если бы Джорджи не был столь растерян, то непременно решил бы, что беличьи головы совещаются между собой.

Цоканье продолжалось недолго. Двухголовый беличий король повернул свою вторую, уродливую голову к человеку, и та пропищала:

– Мы здесь не любим, когда нас пилят, Джорджи. Очень-очень не любим, пик-пик...

Джорджи практически не слушал. Его стало выворачивать наизнанку, и полупереваренный обед звучно шлепнулся на землю.

Двухголовая белка с отвращением сморщилась, и у Джорджи возникла совершенно абсурдная мысль: «Уродец только что жрал мозги мертвого птенца, но морщится при виде обычной блевотины...»

– Мы тут просто живем и никого не трогаем. Да! Пик! А Джорджи, сын шлюхи, пришел и стал нас пилить. За что, Джорджи? Скажи, что мы тебе сделали?

Но Джорджи не отвечал. Он пытался взять себя в руки и продумывал план побега, попутно прислушиваясь к нарастающему шуму в овраге. Решение не приходило, но беличий вопрос его озадачил.

На кой черт он сюда пришел?

– Пик-пик! Просто Джорджи любит деньги. Он любит брать и не любит отдавать, пик. Но ему придется что-нибудь отдать, пик-пик. Или Джорджи останется здесь навсегда.

Обе беличьи головы захохотали. Зверек стал пританцовывать на месте, словно предвкушая, как будет пробовать человеческий мозг вместо птичьего. «Ублюдок уже пробовал, – подумал Джорджи, – и не раз».

Джорджи глотнул воздуха.

– Что отдать?

– Ты отпилил две большие ветки, Джорджи! Пик-пик! И кусок ствола! Две большие ветки и кусок ствола! Отдай нам это и убирайся. Пик-пик-пик... – белка-мутант вдруг замерла. Оба носа вздрогнули. Зверек принялся.

– Пошел ты! – Джорджи швырнул в белку пилой и попал. Впрочем, твари это не повредило. Она взбежала вверх по стволу и скрылась в листьях, понося Джорджи последними словами.

– Пошел на хрен! – сквозь зубы просипел Джорджи.

Несмотря на то, что белка требовала две большие ветки и кусок ствола, на самом деле она имела в виду нечто другое. Понимание двойного смысла речей мутанта пришло легко и быстро. Словно кто-то телепатически отправил образы в голову Джорджи.

– На хрен! На хрен! Двухголовый урод! – Джорджи не собирался выполнять беличьи требования. По крайней мере пока над оврагом не поднялось нечто потрескивающее, извивающееся, пахнущее почвой и чем-то вроде протухших фруктов.

Джорджи не оборачивался. Ему хватило одного взгляда на землю, где в свете трех красных лун извивались тени. То, что их отбрасывало, походило на исполинское переплетение древесных корней с насаженными на них человеческими скелетами.

Тук-тук, клац-клац, щелк-щелк...

«Это кости тех, кто был до тебя, – подумал Джорджи. – Просто кости...»

Движущиеся тени скелетов и корней сливались, и было не разобрать, кто кого шевелил, а Джорджи не собирался оборачиваться, чтобы уточнить.

Тихо молясь, он сел на землю, чтобы расшнуровать свои армейские ботинки.

Тук-тук, щелк-щелк...

В кроне скрипуче захохотала двухголовая белка.

А потом все это перекрыл рев бензопилы.

Хей-хо, мы пьем и пьем всю ночь.

Хей-хо, к утру свежи как огурцы.

Хей-хо, трактирищик, где твои жена и дочь?

Хей-хо, мы парни-удальцы!

Впоследствии, лежа на больничной койке, Джорджи рассматривал перебинтованные культы, оставшиеся от его ног, и раз за разом прокручивал в памяти случившееся. Он совершенно четко помнил, как полз по тропинке, ведущей от дерева к дому, и на ней оставались две жирные красные полосы. Помнил боль. Она была похожа на два котла с тлеющими угольками, в которые кто-то поместил обрубки ног Джорджи.

Он помнил, как боялся, что шнурки ботинок, играющие роль жгутов, лопнут или развяжутся, и вся кровь моментально вытечет.

Была жуткая слабость и сонливость. Где-то впереди он увидел приближающегося старика.

Самым четким и одновременно расплывчатым воспоминанием стала песня лесорубов.

«Хей-хо, мы пьем и пьем всю ночь...»

Джорджи преодолел путь от дерева до таблички под аккомпанемент веселенького напева, но даже спустя недели, окончательно придя в себя, он не сказал бы точно, кто ее пел...

Он сам или говорящее двухголовое чудовище, похожее на белку.

Вошла медсестра. Она принесла поднос с тарелкой куриного бульона, хлебом и сваренным вкрутую яйцом.

– Мистер Вуд, пора завтракать. – Она улыбнулась, и Джорджи ощутил благодарность. Красивая молодая женщина улыбалась ему и приносила еду, не замечая перебинтованных обрубков вместо ног Джорджи. Пусть это была ее работа, тем не менее...

– Благодарю вас! – Он оперся на локти, чувствуя, как запах бульона заставил слюнные железы работать на износ.

– И еще... – Из кармана халата сестра извлекла небольшой белый конверт. – Это от отца Брауна. Он просил передать его вам и сказать, что оплатит все расходы на лечение.

– От кого? – Джорджи вскрыл конверт и тотчас понял, от кого именно. Внутри лежала пачка банкнот. Он не пересчитывал, но был уверен, что там ровно тысяча долларов.

Хей-хо, мы парни-удальцы!

– Святой отец Браун – вы пилили дерево на его участке, когда произошел несчастный случай. Он сказал, что в ближайшее время навестит вас.

Джорджи отпил бульон и закрыл глаза.

Значит, святой отец. Это объясняет рубашку с колораткой. Святой отец, захотевший чужими руками свалить проклятое дерево. Святой отец, оставивший Джорджи без ног. Мистер «исключительно из жалости я заплачу вам тысячу баксов, хоть вы и не сделали свою работу...»

Хей-хо...

Тогда, выбравшись из-под сени дерева, он увидел отца Брауна, очень-очень медленно – как на пленке, которую заклинило в киноаппарате – бежавшего навстречу. Браун перевернул Джорджи, сорвал с себя рубашку и стал перебинтовывать обрубки ног.

– Вы выбрались... Слава Всевышнему! Вы первый, кто выбрался! Значит, не все потеряно. Значит, оно не всеильно забирать жизни и расти, рассыпая семена зла в порывах ветра, разносящего их по земле Господней.

Джорджи хотел спросить, слышит ли отец Браун песенку лесорубов, но стал отключаться.

– Лежите здесь, я вызову скорую! – старикашка, похожий на вампира, только что вернувшегося с кровавой вечеринки, вскочил и прихрамывая побежал к дому. Джорджи проследил за ним взглядом, а потом глаза заволокло мглой.

Очнулся Джорджи в другом месте. Футах в десяти левее. Он обнаружил себя ползущим в траве у дороги. Сзади тянулся кровавый след и валялась мокрая грязно-красная рубашка Брауна.

Прямо перед Джорджи высился старый деревянный колышек с табличкой, настолько трухлявой, что казалось, тронь ее пальцем, и она рассыплется, как высохший песочный комок.

Где-то вдалеке маячили голоса и люди. Джорджи понял, что помощь близко. Над головой висела полная желтая луна. «Слава Господу, – подумал Джорджи, – что она в одном экземпляре». Луна отлично освещала табличку, и Джорджи сфокусировал взгляд на словах, слабо проглядывающих из-под налета пыли и времени.

«Это дерево посажено как символ нерушимости партнерского договора между мистером Вельзевулом и господином Вендиго. В знак искренности намерений и вечного уважения между ними.

06.06.1666 года. День заключения соглашения на поставку 5 тысяч шкур и 600 тысяч фунтов мяса».

Хей... Хо...

«Ну само собой, – подумал Джорджи. – У этого дерева должна быть именно такая история появления. Да, черт побери!»

«Мальчики, которые не любят читать, буду гореть в аду...» – сказал внутренний комментатор событий голосом Нормы Вуд. Джорджи подумал, что мать ни за что на свете не сказала бы ему подобного, и отключился.

В себя он пришел только в больничной палате, с бинтами, намотанными на подшитые культы, и лошадиной дозой обезболивающего в крови.

Спустя время Джорджи вспоминал древнюю доску едва ли не чаще, чем историю под деревом. Всякий раз, прокручивая в уме текст, он соглашался с внутренним голосом, утверждавшим, что если Вендиго и Вельзевул договариваются о поставке 5 тысяч шкур и 600 тысяч фунтов мяса, то речь вряд ли идет о пушнине и говядине.

Вероятно, если покопаться в архивах или поболтать с историками, то выяснится, что дата соглашения совпала с какой-нибудь эпидемией или войной. Возможно, совпадение будет вплоть до одного дня... Кто знает?

Джорджи не собирался докапываться до истины.

Сейчас его беспокоило кое-что другое. Он дождался, пока сестра уйдет, отставил поднос и откинул одеяло. При свете ртутной лампы толсто забинтованные культы напоминали двух запеленутых младенцев. Кровь, проступающая через ткань, почему-то лишь зловеще усиливала это впечатление.

Последнее время, засыпая, Джорджи видел один и тот же сон. Он находился в палате, и всякий раз на другом конце кровати у его несуществующих ног появлялась двухголовая белка. Она внимательно обнюхивала пятна крови на бинтах, и во всех ее четырех глазах появлялся жадный, голодный блеск. Когда она замечала, что Джорджи обратил на нее внимание, то сразу же исчезала.

Сегодня было не так. Беличий король-мутант словно унюхал что-то, а когда Джорджи послал его парой ласковых, тоненько захохотал и стал говорить.

– Малыш Джорджи, шлюхин сын! Пик-пик... Грядет время отдавать долги! Пик! Очень-очень скоро ты отдашь то, что взял.

Джорджи стало страшно. Он собирался спросить, о каких долгах идет речь, но белка не дала ему вставить и слова.

– Ты думаешь, что, отпилив себе ноги, ты отдал то, что взял? Нет, Джорджи-шлюхин сын! Ты отпилил две большие ветки и кусок ствола! Две большие ветки и кусок ствола! Отдай нам их и будешь свободен!

Белка-мутант захохотала, и Джорджи проснулся. Ровно за четверть часа до утреннего обхода, производимого доктором Борисовым.

Спина зудела, и там как будто что-то шевелилось. Что-то было не так. По-иному, нежели в последние дни.

Джорджи исхитрился повернуться и, охнув от боли в культях, пощупал себя где-то в районе позвоночника. Кожа там была грубее и морщинистее, чем везде. Наощупь она отдаленно напоминала...

Джорджи понял, что напоминает кожа, и стал молиться. Ему стало страшно. Возможно, страшнее, чем тогда под деревом.

Кожа напоминала древесную кору. Через ладонь что-то поползло, и Джорджи резко выдернул из-под себя руку. По линии жизни полз крохотный жук древоточец, того самого вида, что живет в деревьях. Джорджи был лесорубом и не спутал бы его ни с каким другим. По спине, словно движущиеся игольные острия, передвигалось еще с дюжину зудящих точек.

Две большие ветки и кусок ствола!

Убедившись, что за дверью тихо и никто не войдет, Джорджи оперся на локти и принял сидячее положение. В ногах стрельнуло, причем боль пылала не только в местах срезов. Она отдавала по фантомам обеих ног, начинающихся чуть выше колена.

Сцепив зубы до скрипа, Джорджи откинул одеяло и стал возиться с бинтами. Он вспомнил слова доктора Борисова:

– Тысячи людей каждый год получают подобные травмы. Вы даже не представляете, насколько быстро все можно решить парой хороших протезов. Обещаю вам, мистер Вуд, не пройдет и полгода, как вы станете на свои две ноги и сделаете первый шаг.

Пожалуй, в тот момент они его чертовски обнадежили. Этот русский со своим слабо уловимым акцентом был хорошим утешителем, однако сейчас разговор с Борисовым ушел на бесконечно далекий план.

Мысли Джорджи были заняты двухголовой белкой и жучком древоточцем.

«Две большие ветки и кусок ствола! Отдай нам их, и будешь свободен!»

Кем бы ни была проклятая белка, она пришла не просто так. С организмом Джорджи что-то происходило.

Поначалу Джорджи хотел попросить сестру взглянуть на его спину и сказать, что там. Отчего кожа на ошупь напоминает дерево и по ней ползают насекомые?

Хотел, но не смог...

«Если у тебя триппер, не показывай его никому. Лечи чем угодно. Антибиотиками. Раскаленным железом. Но не демонстрируй, что твой конец горит и сморкается» – так говаривал Хэнк Хоган, вместе с Джорджи валивший леса в северной части Канады.

Сейчас Джорджи, сам не зная почему, придерживался философии Хэнка, умершего от сифилиса в 1997 году.

Бинты не поддавались. Джорджи заглох на половине правой культы. Чтобы продолжить задуманное, следовало взглянуть на ноги. Вернее, на остатки ног.

Поразмыслив, Джорджи вспомнил про маникюрные щипчики, которые оставила ему медсестра. Чтобы достать их из тумбочки, Джорджи пришлось расплатиться прокушенной от боли губой.

Обмотка поддалась, и Джорджи отодрал располовиненные бинты. Запахло мазями, кровью и влажной тканью.

Срезы потихоньку стягивались. Левая нога Джорджи напоминала уродливый конус из перетянутой швами воспаленной кожи, обмотанной вокруг кости.

Дрожа и постанывая, Джорджи отодрал последний слой, приставший к мясу, и выругался.

Между швов, чем-то напоминая побеги бегонии в горшке, торчало с дюжину крошечных зеленых веточек с окровавленными листочками и набухшими красным ворсистыми почками.

«Две большие ветки и кусок ствола! Две большие ветки и кусок ствола! Две большие ветки и кусок ствола! Джорджи, шлюхин сын! Отдай нам их, и будешь свободен!»

Джорджи разрыдался. В голове, пытаясь перекрыть ехидные беличьи голоса, гремела мысль: «За что все это? Что я сделал?»

В дверь постучали.

– Мистер Вуд, все хорошо? – Голос медсестры заставил одеяло вернуться на место.

– Да... Не нужно входить. – Джорджи смахнул слезы и решил спрятать щипчики под подушку.

– Хорошо. Но я приду через четверть часа сделать вам уколы. Держитесь и будьте умницей! Доктор Борисов поставит вас на ноги, вот увидите.

– Благодарю вас, Анет, – промолвил Джорджи, а про себя подумал: «Уйди, пожалуйста! Уйди к черту!»

Когда сестра ушла, Джорджи решил, что для того, чтобы вывести всю эту гадость под корень, придется разворошить обе раны. Будет больно. Будет чертовски больно, но не больше, чем тогда, когда он с помощью малышки оставил себя без ног, чтобы дерево отпустило его.

Хей-хо, мы пьем и пьем всю ночь.

Хей-хо, к утру свежи как огурцы.

Хей-хо, трактиричик, где твои жена и дочь?

Хей-хо, мы парни-удальцы!

Тихонько напевая песенку лесорубов, Джорджи взял маникюрные щипчики и стал валить лес.

Андрей Федоров, Владимир Новиков Вши

Мизери была прекрасна. Прореха на ее обтягивающих брючках – новомодная причуда – открывала обозрению кремовые трусики. Когда девушка делала удар, ложась грудью на столик для бильярда, мужчины позади нее замирали. Магия плоти тащила наружу их звериные

душонки. А Мизери все знала и пользовалась: разрешала взглядам пасть в нужных местах – подальше от стола. И выигрывала очередную сотню.

Каттер только посмеивался. Молодец, девочка! Лихо обводит солдатню вокруг пальчика. Боевые ей можно будет не выдавать. Пустить на шоколад и табак. Какой прок от денег на горящем и жрущем людей поле?

Рядом громко посапывал Рич. Хоть и здоровяк, но пьет, как зеленый пацан. Заливает в себя все подряд, пока не свалится замертво.

Подошел и плюхнулся на стул Раско. От него разлило потом и недорогими духами. Должно быть, снова обхаживал одну из местных дамочек. И что они в нем находят? Среднего роста, сутулый, вечно небритый. Говорят, рожа как у артиста...

«Артист» расстегнул китель почти до живота и спросил:

– Хобот опять вдрызг?

Каттер пожал плечами, мол, сам же видишь.

– Командир, давай его здесь оставим, – предложил Раско. – Очухается – в распорягу сам приползет.

– Я, ты, Мак... Вон еще Мизери. Ниче, пупки не развяжутся. Ведь ты кто такой есть?

– Ну-у-у, – протянул Рич, – наверное, человек?

– Штурм-пику в клоаку! – Каттер ударил себя по левому предплечью. – Ты человек из моего взвода! Пещерные Крысы своих не бросают! Хоть в крови по колено, хоть в пьяных соплях...

– Да ладно, чего взелся? Давай накатим. Эй, Мак! – окликнул Раско человека у барной стойки.

Тот нехотя поднялся и подошел к их столику.

– Чего?

– Выпей с нами, Макферсон. Чего ты вечно у бара? На Филя глаз положил? Я бы не слишком надеялся. У него жена и двое ребятишек.

– Да пошел ты... – беззлобно процедил Макферсон и собрался было уйти. Но Каттер вступился:

– Рядовой Раско, отставить подколки. А ты, Мак, не слушай.

Вокруг орали подгулявшие компании. Хохотали боевые подруги, покрикивал Фил из-за стойки:

– Четыре Везтбрема за одиннадцатый! Принимай! Ужин в кабинку для господ офицеров! Легче, братва, разбитая посуда – за ваш счет.

Мизери расправилась с очередным клиентом и присела рядом с похрапывающим Хоботом.

– Ну, теперь я вся вашенская, – проворковала она. – Чем будете угощать?

Каттер улыбнулся. Когда-то эта красotka уже была «вся его». Что она творила! Нет, что они творили! Правда, раз или два, да и то по пьяной лавочке. Ничего серьезного, зато теперь – друзья до гроба.

– Вся-вся? – поинтересовался Раско и описал ладонями в воздухе замысловатую фигуру. Как будто протирает одновременно два пыльных глобуса.

– А жена не заругает, герой? – хохотнула Мизери.

Раско поперхнулся. Все знали грозный нрав его супруги. Он боялся ее, как огня. Что не мешало ему регулярно ублажать доверчивых дурочек из гарнизона.

А позже, втроем, они тащили Рича. Тот глупо хихикал, собирая ногами мусор. Позади кавалькады неуверенной походкой шла Мизери и весело покрикивала:

– Эгей, мои хорошие! Поднажми! Пещерные Крысы своих не бросают!..

Металлический звон и грохот – надтреснутый хриловатый голос войны...

Каттер теряет сознание, вновь находит его. Оно продирается сквозь багровую пелену и заставляет жить. Страшно, мучительно, назло врагам.

Вечер...

Небо получило коленом поддых, упало на землю и харкает кроваво-красным. Огромное вылизанное беспощадным пламенем поле. Раненое, ползущее умирать за горизонт.

Надрывные вопли солдат, пытающихся перекричать залпы орудий. Дым, ничего не видно. Живое и мертвое – черта с два отличишь! Макферсон рычит от ярости, стреляет. Люди стоят за правду – вот только у каждого она своя.

Где-то орет Мизери – не разобрать. Хотя...

– Каттер, только попробуй сдохнуть! Живи, живи!

Каттер не хочет сдыхать, но, похоже, его не спрашивают. Рядом разорвался снаряд. Или только кажется, что рядом? В ушах ровный гул, Мизери умолкла. Или Каттер больше ее не слышит. За серой пеленой виднеется размытый силуэт Тульи. Паренек-связист лежит не двигаясь. Мертв? Эх, только стал стравливать щетину... нет, пошевелился...

Встал в полный рост, опустил оружие. На лице грязь пополам с кровью. Еще страх и растерянность. «Черт, да он же смотрит на меня», – думает Каттер и хочет улыбнуться пареньку.

Мгновение, и звуки возвращаются.

Каттер закрывает глаза, уже можно...

Он бредил. Умирал и воскресал. Балансировал на грани, из-за которой не было возврата. В мозгу плясало адское пламя. Завывали сотканые из мрака силуэты, гротескные чудища. Они вопили-ревели-стенали на все лады, заглушая голоса мира. Но оставался один, он не давал сорваться в пропасть. Женский голос повторял раз за разом: «Только попробуй сдохнуть! Живи, твою мать, живи!»

Наконец пришла тишина. Не та, вечная, а обыкновенная, размеренная, с тихими головами и мерным посапыванием.

Каттер открыл глаза. Вокруг – штукатуренные стены. Значит, не оставили в поле. Пещерные Крысы своих не бросают.

Тело едва слушалось, поначалу он мог лишь водить глазами из стороны в сторону. Красные простыни, грубые шерстяные одеяла... Это госпиталь. Хорошо. Живой.

С огромным трудом приподнял голову и увидел Мизери. Она спала, сидя на табуретке. Хорошенькое бледноватое личико, щеки слегка впали. На подбородке синяк, рука на перевязи.

– Миз? – позвал взводный и удивился: не голос, а писк!

Девушка рывком выпрямилась, мутным взглядом скользнула по Каттеру, потом кинулась ему на шею и заревела. Все тело разом взвыло от боли, и взводному тоже захотелось разрыдаться.

– Дура, убьешь! – просипел он, и Мизери отстранилась.

– Я думала, ты труп!

Каттер отдышался, затем спросил:

– Кто еще?

Мизери кулаком утерла слезы – Каттер сделал вид, что не заметил.

– Из нашенских? Мы с Ричем в порядке. Его в плечо навyleт. Ходит уже. Раско – черт знает. Из него же слова нормального не вытянешь, все мать-перемать. Тулье досталось, но вчера в себя пришел. Вроде хромает по госпиталю. Фил здесь. Гелвин тоже. Мак... совсем плох. Если голову повернешь направо, увидишь.

Движение далось легче, чем ожидал Каттер. Макферсон лежал недвижим, укутан в бинты. Грудь почти не поднималась. Видать, шансов мало.

– А осталь... ные?

– Не знаю, Кат. Может, того... – она провела пальцем по горлу. – Или в другом крыле госпиталя. Никого больше не видела. В общем... позову Хобота и Раско. А ты тут полежи, никуда не уходи.

Ну, девка! Только слезы роняла и уже издевается!

Видимо, госпиталь располагался в брошенном здании школы. На стенах кое-где висели портреты и обрывки карт, встречались надписи, что такой-то любит такую-то, тот с тем-то друзья, а некто и вовсе дурак. Время здесь, казалось, застыло. Особенно для Каттера. Мизери с парнями приходили навестить и быстро исчезали. Он не осуждал – завидовал. Они могли спокойно ходить где вздумается, разговаривать, может даже выпивать. Хобот наверняка уже разведал. А вокруг Каттера стонали и ругались бойцы. Парни и девушки. Война жрет всех.

К концу второго дня он умудрился сесть, за что был обруган главным хирургом, суровым кряжистым мужиком по кличке Палач. Он осмотрел взводного и пообещал дать коляску, если тот полежит спокойно еще день.

– Не для того тебя штопал, чтобы ты себя угробил! – негодовал врач.

Каттер спорить не стал, повалился обратно на койку и вскоре заснул. А проснулся под вечер, когда медсестры загнали бойцов в палаты и принялись гасить свет. Койка Раско пустовала, видать его медсестра не нашла. Да и вряд ли найдет до утра – здесь-то ему жена не страшна. Свет погас, и через некоторое время бодрствующим остался только Каттер. Хобот храпел, как сатрык в норе. Тихо скрипнула дверь, и в палату вошел Тулья. Связист осмотрелся, шагнул в сторону Макферсона, в его руке тускло блеснуло. Термометр? Судно?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.